

Заключительный аккорд: Краткая история книжного пиратства

Бодо Балац

Введение

История медиа пиратства, представленная в данном отчете, в основном относится к цифровой эре. Цифровые технологии резко уменьшили затраты на воспроизводство многих товаров культурного назначения и, как следствие, снизили степень контроля производителей за их распространением. Ликвидация контроля была стремительной и неудивительно, что многие видят в ней ее революцию – действительно беспрецедентное бедствие с точки зрения многих представителей медиа индустрии.

Но предшествующая история говорит о том, что нынешний кризис авторского права, пиратства и принудительного применения права имеет много общего с более ранними периодами в сфере производства продуктов (товаров) культурного назначения. С зарождения книжной торговли в пятнадцатом веке, культурные рынки формировались путем заключения соглашений между издателями и властями о том, кто мог печатать книги и в течение какого времени. В то время как типографии (печатники) и издатели искали защиту от конкуренции, государство и церковь хотели контролировать обращение текстов. Законы и нормативные акты, разработанные для осуществления этих целей, вели к высокой централизации книжного дела в большинстве европейских стран, в которых близкие к власти издатели монополизировали местные рынки. Подобные монополии неизбежно привлекали конкурентов из разряда менее привилегированных представителей книжного дела, а также конкурентов с внешних рынков. В течение последующих веков свободные предприниматели, игнорировавшие государственную цензуру, царские привилегии и предписанные гильдией авторские права, неоднократно бросали вызов защищенным государством книжным картелям. Уже в начале семнадцатого века официальные издатели стали называть таких предпринимателей пиратами по аналогии с морскими грабителями.

Подобные конфликты не ограничивались локальными рынками. Издатели пираты особенно процветали на географических окраинах рынков – часто находясь за их границами, где государственная власть была бессильна. Шотландские и ирландские издатели конкурировали с лондонскими издателями за английскую публику, датские и швейцарские издатели печатали книги для французского рынка до революции. Появление европейской литературной сферы в значительной степени обязано бурному развитию такой транснациональной печати.

Издатели-пираты выполняли две основные функции: они печатали запрещенные цензурой тексты и ввели в оборот дешевые отпечатки, которые расширили читательскую аудиторию. Обе функции способствовали развитию общественного диалога в Европе и передаче знаний между более и менее привилегированными социальными группами и регионами.

Издатели-пираты всегда появлялись в ответ на неэффективность рынков, созданных картелями. На короткий период такие искажения рынка могут поддерживаться государственной властью. Но, в конечном счете, пиратская деятельность почти всегда сливалась с законными методами ведения бизнеса. Через какое-то время законодательство менялось, чтобы приспособиться к сложившейся ситуации в издательском деле.

Похожие истории можно было бы рассказать о многих современных отраслях производства, в том числе компьютерной индустрии, химическом машиностроении, производстве лекарств и программного обеспечения. Наслаивание местной индустрии на интеллектуальные продукты более развитых географически удаленных конкурентов – не отклоняющаяся от принятых правил форма поведения – это одна из особенностей современного экономического развития (Johns 2010; Chang 2003; Ben-Atar 2004). Такое развитие прокладывает себе путь через историю, в которой немало страниц посвящено тому, как деятельность пиратов-предпринимателей инициировала изменения на локальных рынках. В заключение этого отчета мы возвращаемся к ранней истории книгоиздания и пиратства, которая позволяет прояснить, как эти взаимосвязанные субъекты ведут себя на культурных рынках. Соответственно, мы видим пять отвязанных «законов» пиратства, действующих на культурных рынках:

1. Постоянные зазоры между спросом и предложением, обусловленные искусственными ограничениями цены или объема предложения, обычно заполняются пиратскими продуктами.
2. При столкновении с пиратством руководители предприятий почти всегда обращаются к государству за защитой своих позиций на рынке, и, как правило, адаптируют свои модели бизнеса только в случае, когда другие ресурсы исчерпаны.
3. Пираты, наоборот, предпочитают действовать на границах сферы влияния должностного лица, где различия в нормах закона и трудности принуждения к их соблюдению создают пространство для неоднозначных или противоречивых толкований закона.
4. Пиратство на политической и экономической периферии играет хорошо известную роль развивающей стратегии, которая способствует обращению интеллектуальных товаров.
5. Во многих из этих контекстов пиратство играет также политическую роль как противовес централизованному контролю над информацией в государственных или частных интересах. Цензура текстов до нового времени в Англии и Франции постоянно подрывалась деятельностью пиратов. В этом отчете описано, что почти такую же роль пиратство играло в России и Южной Африке в 1980-х¹.

¹ Последний пункт не является главным центром нашего отчета по странам, но заслуживает внимания в контексте текущего усиления принудительного применения права. Периодически принудительное применение авторского права стало смешиваться с политическими или коммерческими мотивами для ограничения свободы слова. Это мало удивляет: принуждение к соблюдению норм авторского права, по определению, есть форма контроля над выражением, и в этой связи оно было предметом многочисленных дебатов о надлежащих пределах такого контроля. На практике, как в либеральных, так и в авторитарных обществах, последними гарантиями свободы слова были не формальные права и нормы защиты, а просто неэффективность принудительного применения. В наших политических системах слишком мало положений для оценки этой неэффективности, а трудно контролируемая экономика культуры с большими «утечками» интеллектуальных продуктов является ее следствием. На наш взгляд, сегодня в эру растущих технологических возможностей эти «утечки» нужно использовать для совершенствования принудительного применения и коммерческих механизмов.

Искусственные права и права Короны

Во второй половине пятнадцатого века, спустя десятилетия после изобретения Гуттенбергом печатного станка (пресса), издательское дело было весьма слабо развито. Знания и технологическая инфраструктура, необходимые для книгоиздания распространялись медленно. Спрос скоро начал превышать предложение: во многих городах было изобилие рукописей документов, ожидающих издания или переиздания, а печатных станков не хватало. Правительства предоставили монополии и другие исключительные права для поощрения издательского бизнеса на местах, при этом квалифицированных книгоиздателей (печатников) и торговцев часто переманивали из других городов.

К концу пятнадцатого века сложивший дефицит начал уступать место более развитой культуре книгоиздания. Появилась более широкая европейская книжная торговля, которая отражала не только увеличение числа печатных станков, но также возросший спрос на современные произведения. Расширение книжной торговли, в свою очередь, привело к созданию рынка дешевых оттисков. Лионский издатель мог получать высокую прибыль, перепечатывая книги, изданные в Венеции или Базеле. Переиздания появлялись очень быстро на прилавках, что заставило издателей искать государственной поддержки в области поддержки частных имущественных притязаний.

Впервые такая охрану была выпущена в Милане в 1481 для Andrea de Bosis (Андрэ де Босис). Она предоставляла ему исключительные права печатать и продавать хлопчатобумажную ткань Simoneta's *Sforziade* (Feather 1987). Подобные привилегии действовали только на той территории, которую контролировала предоставившая их власть. Исключительные права, полученные в Милане, не действовали в Риме или Венеции. Большие государства, как Франция или Испания, имели определенные успехи в области ограничения внутренней конкуренции, но были бессильны против зарубежных конкурентов.

Управляемая экспортом экономика меркантилизма в дальнейшем усложнила правила использования привилегий на разных территориях. Издатель мог быть уважаемым членом общества в своей стране, если его деятельность была легальной по местному закону и выгодной сообществу, но считался пиратом за границей, если он нарушал права и привилегии других территорий.

Содержание главы	
399	Ведение
401	Искусственные права и права Короны
402	Книжные пираты времен королевы Елизаветы
404	Борьба за общественное достояние
407	Исследование рынков континентальной Европы
408	Век американских пиратов
412	О заключительном аккорде
412	Литература

Так как в общеевропейской литературной сфере появлялось все больше издателей, увеличилась вероятность возникновения уничтожающих прибыть конфликтов между ними.

В отсутствие международных норм авторского права издатели заключали неофициальные соглашения касательно прав на переиздание и распространение. Часто эти «искусственные права копирования» обеспечивали лучшую защиту по сравнению с местными законами, что объяснялось взаимозависимостью субъектов книжного бизнеса (Bettig 1996:17). Издатели, работающие на международных рынках, доверяли иностранным издателям перевозить свои книги и, следовательно, были вовлечены в сеть отношений, которые требовали взаимного доверия. Такие множественные социальные и деловые связи подразумевали, что возможные нарушения, которые часто имели место, будут наказаны самим издательским сообществом, независимо от местных законов.

Даже без государственной поддержки издатели в международной торговле имели четкий коллективный интерес, связанный с установлением прав на исключительность. Такие соглашения часто затрагивали большое число издателей внутри стран и за их границами. К концу восемнадцатого века система искусственных прав использовалась между Датскими и Швейцарскими издателями, которые печатали книги для французского рынка (Birn 1970; Darnton 1982, 2003). Ирландские издатели имели сходную систему вплоть до Союза с Великобританией в 1800 г. 1800 (Johns 2004). Издатели США разработали систему искусственных прав копирования для управления конкуренцией за иностранные произведения, охрана которым законом США об авторском праве не предоставлялась на протяжении девятнадцатого века (Clark 1960; Khan and Sokoloff 2001). Немецкие издатели восемнадцатого века сумели сформулировать условия, при которых члены гильдии могли производить и распространять пиратские издания: «[если] официальный издатель поднял цены... [если] был нарушен кодекс поведения, [если] коллегам и читателям был нанесен вред, или [если] пиратские издания распространялись только в тех регионах, где легальные экземпляры были недоступны» (Wittmann 2004). Таким способом охранялись исключительные права индивидуальных издателей внутри сообщества (гильдии) и за его пределами.

Отношения между правилами, установленными сверху, и соглашениями, инициированными снизу, всегда были сложными. Новые регулирующие органы иногда преднамеренно создавались для использования норм, выработанных сообществом, в то время как в иных случаях они были предназначены для изменения существующих правил ведения бизнеса. Большая часть конфликтов между легальными издателями и пиратами возникала, когда государственные правила расходились с нормами сообщества, не соответствуя его понятиям о справедливой конкуренции. Подобные расхождения обычно возникали, когда некоторые игроки были способны добиться покровительства властей или новых способов регулирования; когда входящие на рынок игроки извлекали выгоду из слабого законодательства или возможностей его применения; или когда ключевые участники рынка (такие как авторы) исключаются из переговорных процессов, что, в конечном счете, дестабилизирует систему (рынок).

Книжные пираты времен королевы Елизаветы

В шестнадцатом веке королева Англии Елизавета I предоставила монопольные права издателям, выбранным для печати основных текстов, таких как Библия, буквари, календари, учебники грамматики и своды законов. Такие объемные тексты с устойчивым спросом были особенно ценны для издателей. Мелким издателям путь на эти прибыль-

ные рынки был закрыт, поэтому им было достаточно трудно заработать на жизнь, наращивать капитал, покапать рукописи и охранять авторские права. В это время права на лучшие тексты раздавались в соответствии с благосклонностью политиков, что способствовало появлению класса обедневших издателей, которые боролись за свое место в бизнесе, печатая менее известные тексты.

Напряжение между богатыми и бедными печатниками росло со временем и, в конце концов, превратилось в войну издателей. Бедные издатели начали нелегально печатать защищенные авторским правом книги в больших количествах и мешать ради более равномерного распределения привилегий. Так как цены на легальные экземпляры оставались высокими, торговля книгами на черном рынке была очень выгодна. Даже при наличии высокого риска обыска подозреваемых в пиратстве, конфискации контрафактных экземпляров и уничтожения печатных машин, нелегальное книгоиздание невозможно было подавить.

История Роджера Уорда иллюстрирует масштаб конфликта. В 1581-1582 гг. Уорд признался в нелегальной печати 10000 букварей – огромная цифра для того времени, когда 1500 экземпляров считались большим тиражом (Judge 1934:48–49). В других документа присутствуют сходные цифры: 4000 книг псалмов (молитвенников) за 10 месяцев; более 10000 букварей, напечатанных за 8 месяцев. В другом отчете о работе 11 печатников упоминаются 10000 букварей и 2000 молитвенников, напечатанных и проданных в течение неполного года. Такие объемы продаж могли серьезно подорвать легальный рынок.

После многих бесплодных лет конфликта держатели привилегий начали менять курс. Постепенно они приняли стратегию умиротворения и кооптации оппозиции в качестве средства восстановления хоть какого-то контроля над рынком. Некоторые пираты были просто подкуплены. Например, одному из знаменитых пиратов Джону Вульффу отдали часть выгодной монополии Ричарда Дэя на «Азбуку с кратким катехизисом» и приняли в гильдию книгоиздателей. Он вскоре стал одним из его самых надежных защитников. Для других Stationers' Company сделала важные уступки (концессии): в 1583-1584 гг. она разрешила не принадлежащим к гильдии издателям напечатать множество книг, включая своды законов; шотландские, французские, датские и итальянские переводы псалмов; еще 82 наименования защищенных авторским правом изданий; а также любые книги, тиражи которых были к тому времени распроданы.

Эта стратегия приспособления оказалась успешной и поддерживала свободное равновесие на Британском книжном рынке на протяжении большей части семнадцатого века. Однако, в конце столетия, Английский парламент нарушает статус-кво.

Пират Генри Хилл

К 1690-м годам подошло время пересмотра Лицензионного Акта – закона, управляющего издательскими привилегиями. Акт регулировал отношения между Stationers' Company и королевской властью, включая государственную поддержку авторского права и привилегии гильдии в обмен на согласие гильдии с введением государственной цензуры. Среди этих привилегий Акт ограничивал число самостоятельных издателей в Англии до двадцати; регулировал число печатных прессов, квалифицированных рабочих и подмастерьев; ограничивал печать в Лондоне, Оксфорде, Кембридже и Йорке; кроме того, он ограничивал импорт книг через лондонский порт (Astbury 1978). Для

Английской Короны акт служил законной основой для цензуры в Англии и для ее осуществления через издателей.

Перспектива продления действия Акт вызвала существенные противоречия. Джон Локк со страстью приводил аргументы против его продления, ссылаясь на свободу печати, которую Акт явно ограничивал. Даниэль Дефо связывал эти аргументы с требованиями появляющегося класса интеллектуалов, которые предпочитали бы зарабатывать на жизнь своим «пером», а не покровительством сильных мира сего. Другие участники дискуссии высказывались против монополии Stationers' Company, указывая на сложившуюся рыночную ситуацию: высокие цены на книги и ограниченный доступ к классическим текстам.

Парламент допустил утрату силы Акта в 1695 году, отметив это как большую победу свободы печати в английском законодательстве. Издательское дело также начало меняться, хотя поначалу было неясно в какую сторону. Охрана привилегий и авторских прав продолжалась, но только через общие законы; специальный закон, регулирующий эти права и обеспечивающий институциональные и правовые инструменты для принудительного применения, был отменен. Были отменены ограничения на количество типографий и издателей, а также на импорт книг. Эти изменения были началом краткого, но бурного периода, в течение которого прежние издательские привилегии и авторские права не имели обязательного действия, а свободные издатели могли экспериментировать с новыми моделями распространения книг.

В начале восемнадцатого века книги все еще были предметами роскоши, поэтому издатели ориентировались на богатых покупателей, способных платить за дорогие издания. Однако некоторые категории книг имели более широкое хождение, в частности, книги псалмов, буквари и календари. Тем самым было положено начало не только более высокому уровню, но и появлению почвы для возникновения массового рынка литературы более широкого диапазона.

Мелкие издатели начали переиздавать охраняемые авторским правом произведения большими тиражами, бросая вызов сложившейся структуре рынка и ценовой политике официальных издателей. Самым известным из этих издателей стал Пират Генри Хилл. С 1707 г. Хилл переиздавал популярные поэмы, брошюры и проповеди, продавая их по ценам от половины пенни до двух пенсов, что было малой долей от обычной цены в шесть пенсов. Он опубликовал несанкционированный сборник первых ста выпусков «Тэтлер», одного из самых популярных журналов того времени, за несколько лет до выхода официального издания сборника. Девиз на каждой из однопенсовой книжке Хилла подтверждал народный характер его издательской модели: «В пользу бедных». Общее число экземпляров, напечатанных Хиллом, оценивается в 250000 (Solly 1885).

Обеспечить радикальное понижение цен Хиллу позволили следующие три фактора: (1) игнорирование требований правообладателя; (2) использование самых дешевых материалов; (3) минимальная прибыль с каждого экземпляра. Эта бизнес-модель оказалась необыкновенно мощной. Возможно, Хилл был первым бизнесменом эры, который вызвал появление массового книжного рынка, базирующегося на большом объеме и низком уровне прибыли.

Война за общественное достояние

Признанные издатели, ссылаясь на радикализм Хилла и ему подобных, мобилизовали свои политические связи для реставрации издательских законов в Англии. Последовали

длительные и шумные дебаты, которые, начавшись с осуждения пиратства, быстро распространились на свободу прессы, опасность издательских монополий, выгоды от авторского права, политическую и финансовую независимость интеллигенции.

Наконец, в 1710 г. Парламент одобрил закон, названный «Статут королевы Анны», который считается первым современным законом об авторском праве. Так как дебаты продвинулись далеко за рамки пиратства, новый закон содержал ряд принципиальных изменений по регулированию издательского дела. Самое известное из них – то, что автор признавался источником и первоначальным обладателем авторского права. Данное изменение уменьшало власть издательских монополий и предусматривало сделки на передачу прав в ходе издательского процесса. Однако оно не содержало четкого утверждения прав автора:

Акцент на авторе в «Статуте королевы Анны», подразумевающий, что устанавливаемое законом авторское право, действительно принадлежит автору, больше касался формы, чем содержания. Монополии, против которых был нацелен этот указ, слишком долго и прочно существовали, чтобы измениться без веских оснований. Самой логичной и естественной основой для изменений был автор. Хотя автор ранее не обладал авторским правом, его интересы всегда учитывались книготорговцами, как средства для их достижения. Их основные аргументы опирались на то, что без порядка в торговле, обеспечиваемого авторским правом, издатели не смогут печатать книги и, поэтому не будут платить авторам за рукописи. Авторы «Статута королевы Анны» приняли эти аргументы и персону автора впервые начали использовать как оружие против монополии (Patterson 1968:147).

Второе очень важное изменение, которое позже было отменено, заключалось в том, что для больших книжных рынков устанавливался весьма непродолжительный, фиксированный срок действия авторского права. При предыдущей системе, регистрация в Реестре Компании гарантировала вечное владение текстом. По закону 1710 г. вновь созданные произведения охранялись в течение 14 лет (с возможностью продления еще на 14). Уже опубликованным произведениям предоставлялась охрана на 21 год. Это драматическое ограничение срока действия авторского права отражало изменившиеся цели законодателей. Если предыдущие законы, прежде всего, были нацелены на обеспечение контроля Короны над информацией, то «Статут королевы Анны» был ориентирован на регулирование бизнеса – действия в интересах общества путем предотвращения монополии и в интересах издателя путем защиты его от пиратства (Patterson 1968:144).

Охрана уже напечатанных произведений была компромиссом с лондонскими издателями, которые боялись потерять собственность, вложенную в авторские права, зарегистрированные в Stationers' Company. По истечении срока защиты в 21 год издатели возобновили свои усилия вернуть неограниченные временем права, как было ранее по общему праву. Эти попытки были связаны с натиском издателей из Шотландии на рынке вновь появившихся произведений, охраняемых по новому закону.

Хотя с шотландскими издателями в Лондоне обращались как с пиратами, сложившаяся ситуация отражала проблему плюрализма законов в Англии. Ключевым вопросом был следующий: имел ли приоритет ограниченный период охраны авторских прав, установленный законом 1710 г., над вечной охраной, декларированной Английским общим правом, которое не действовало в Шотландии. Так начался новый период обще-

ственного противостояния и политического конфликта вокруг копирайта (авторского права), на этот раз между лондонскими и эдинбургскими издателями. Поскольку срок защиты авторских прав истек в 1730-х гг., шотландские издательские дома наводнили рынки северной Англии дешевыми оттисками. Лондонские издатели расценивали это как пиратство, ссылаясь на реестр вечных прав, установленный Английским общим правом. Победа досталась эдинбургским издателям, и Эдинбург стал вскоре важным издательским центром. Конфликт был окончательно исчерпан в 1774 г., когда Палата Лордов признала неправомерным применение общего права в деле Доналдсона против Бекетта.

После этого прецедента понятие вечного авторского права исчезло из английского законодательства и появилось новое понятие, которое теперь называют общественным достоянием – часть произведений, которые можно использовать и переиздавать, не спрашивая разрешения. Согласно оценкам издателей, это постановление уничтожало стоимость, производимую авторским правом, в целом примерно на 200000 фунтов стерлингов. Тем не менее, распад книжного рынка, предсказываемый лондонскими издателями, не наступил. Наоборот:

Решение 1774 года за счет уменьшения цены передало значительную часть покупательной способности от производителей книг их покупателям. С ростом числа предприятий в отрасли, увеличением конкуренции, и уменьшением стоимости авторских прав британская книжная индустрия показала высокие темпы роста. Банкротства утроились, что является признаком бума, а индустрия в целом процветала как никогда прежде.

С 1780 г. минимальная цена популярных текстов, не охраняемых авторским правом, снизилась до половины, а затем свелась к четверти предыдущего уровня. Тиражи основных изданий выросли в три или четыре раза, значительно увеличилось число изданий, имеющих одновременно в продаже.... За одно поколение переплетная промышленность удвоилась в объеме, что является более надежным показателем роста книжного производства, чем объем печатных изданий или число опубликованных наименований... Этот период характеризуется также повышением годовых темпов роста книжных наименований, изданных в масштабе всей страны, многие из которых были переизданиями, а также увеличением темпов роста местных книжных изданий, провинциальных книжных магазинов и библиотек, выдающих книги на руки. Наблюдался бум издания сборников, кратких изложений, адаптированных изданий, упрощенных и цензурированных версий, также как и книг, продаваемых по частям. Быстро росла совсем новая отрасль детских книг, которая также выказывала предпочтение сборникам и сокращенным изложениям неохранных законом произведений, и которая вытеснила или поглотила «замороженные» баллады и дешевые издания церковных канонных в течение нескольких лет.

Количественные оценки, которые мне удалось собрать, согласуются с субъективным суждением торговца остатками тиражей Лакингтона, который в 1791 г. писал: «В соответствии с лучшей оценкой своих способностей, я полагаю, что сейчас число продаваемых книг более чем в четыре раза превышает то, что можно было продать двадцать лет назад... Иначе говоря, сейчас читают все классы и сословия» (St. Clair 2004:115–18).

Исследование рынка континентальной Европы

Помимо Англии, пиратские издатели играли важную роль в борьбе с обширной цензурой текстов, практиковавшейся в XVII-XVIII веках во Франции. Такие авторы, как Вольтер, Руссо, Мерсье и Рести де ла Бретоннэ были запрещены во Франции, но их издания были широко доступны за границей. Иностранские издания, ввезенные контрабандой во Францию, часто становились стандартными изданиями таких произведений

(Darnton 1982). Практически большая часть наследия эпохи просвещения предреволюционной Франции опубликована датскими и швейцарскими издателями (Birn 1970:134).

Деловая среда вокруг таких экстерриториальных издателей была чрезвычайно сложной, так как они конкурировали не только с легальными издателями во Франции и повсеместно, но также друг с другом. Будучи пиратами, они не могли рассчитывать на механизмы формальной защиты, такие как королевские привилегии, чтобы смягчить некоторые риски, связанные с издательским процессом.

Они выработали специфические методы ведения пиратского издательского бизнеса. Они практиковали особо агрессивный вид капитализма. Вместо эксплуатации привилегий от защищенного гильдией положения, они старались удовлетворить спрос везде, где он был (Darnton 2003:28).

Ключевыми элементами этой стратегии бизнеса были исследования спроса на локальных рынках и анализ планов потенциальных конкурентов (Darnton 2003:28). Фредерик Самюэль Остервальд, член городского совета в швейцарском городе Ношатэль и представитель небольшой сети пиратских издательств, обслуживающей французский рынок, оставил подробный отчет о работе таких сетей (Darnton 2003:4).

В течение двух десятилетий Остервальд получил почти 25000 писем от французских книготорговцев, датских и швейцарских пиратских издателей, коммивояжеров и европейских авторов, пишущих на французском языке. Такие письма были, прежде всего, способом измерения (исследования) читательской аудитории и уровня возможной конкуренции. Но они также свидетельствуют о неформальных соглашениях между пиратскими издателями о том, кто и какие произведения мог издавать для разных рынков. Это были типично джентльменские соглашения, действовавшие на легко разрушаемом доверии, но они оказались достаточно сильными для становления стабильного рынка, который минимизировал каннибализм среди издателей и уравновесил влияние разрозненных и часто ограничивающих местных инструкций.

Все миром эти пиратские сети изобрели интернациональный режим регулирования авторских прав более чем за сто лет до Бернской Конвенции, которая стала первым международным кодексом авторского права. Пиратская переписка и джентльменские соглашения ограничивали недобросовестную конкуренцию на локальных рынках среди членов сети во времена, когда поощряемый государством меркантилизм все еще предпочитал навязывать местные требования и снижать статус иностранных авторских прав.

Век американских пиратов

Во второй половине девятнадцатого века было несколько попыток обуздать интернациональное пиратство путем двухсторонних соглашений между государствами, но истинный международный стандарт авторского права появился только в 1886 г., когда Германия, Бельгия, Испания, Франция, Соединенное Королевство, Италия, Швейцария и Тунис подписали Бернскую Конвенцию о защите литературных и художественных произведений. Начиная с Берна, местное и международное пиратство стало явным предметом национального внимания, который часто вызывал новые инструкции и санкции. Однако для многих стран применение закона об авторском праве оставалось инструментом манипулирования между желанием дешевого доступа к иностранным произведениям, интересами национальных издателей требованиями международных

торговых партнеров. В этом контексте одним из главных пиратских государств были Соединенные Штаты Америки.

Почти сто лет Американский закон об авторском праве был ярким примером ситуативного пиратства – поведения, которое не нарушало законов США, но широко осуждалось за рубежом. Федеральный закон США об авторском праве, принятый в 1790 г., базировался на «Статуте королевы Анны» и также предусматривал 14-летний срок охраны с возможностью его продления. Но, возможно из-за неверного толкования английского закона (Patterson 1968:200), американский закон предоставлял авторские права только и исключительно гражданам США. Поскольку большая часть наименований импортировалась из Британии, это положение создавало массовое субсидирование американских издателей и помогло установить де факто культурную политику дешевых книг, которая, в свою очередь, способствовала массовому образованию общества. Это положение сохранялось вплоть до 1891 г., когда был принят Акт Чейса (Chace Act), который предоставлял ограниченные права иностранным авторам. Прошло еще сто лет, прежде чем США присоединились к Бернской Конвенции в 1989 г.

США упорно сопротивлялись Британским требованиям в течение столетия, так как это отвечало интересам развития новой нации и ее издательской индустрии. Это сопротивление часто истолковывалось как отстаивание суверенного права и четкая политика национального совершенствования. Как выразился один издатели во время одного из многочисленных дебатов по предмету:

Все богатство английской литературы принадлежит нам по праву. Английская литература приходит к нам, как жизненно необходимый воздух, беспрепятственно, без налогообложения, даже не требуя перевода; и неужели мы введем такой налог и тем самым возведем барьер для распространения света разума и морали? Не построим ли мы дамбу, которая перекроет поток реки знаний? (Solberg 1886:251)

Ко второй половине XIX века сочетание высокой грамотности, резко снизившихся затрат на печать и самых развитых в мире почтовой и транспортной систем привело к быстрому росту рынка книг и журналов в США (Beniger 1986). Дешевая пиратская литература помогла усилить индустрию книгоиздания и дать образование быстро растущей американской читательской аудитории:

Пиратство породило аудиторию и широкомасштабную деятельность в области редактирования, производства печатной продукции и критики. Между тем, востребованность британской пиратской литературы, возможно, в конечном счете, создавала стимулы для авторов, а также изобретение характерных тем, новых литературных форм и методов (Bender and Sampliner 1996/97:268).

Даже притом, что американские авторы активно лоббировали большее уважение к авторскому праву, пиратское столетие закончилось только тогда, когда крупнейшие бизнесмены-издатели с Восточного побережья США приложили свои усилия к этому вопросу. Этот поворот, как обычно это бывает, был результатом стремления выиграть в конкурентной борьбе, а не моральных соображений: к концу девятнадцатого века восточные издатели столкнулись с конкурирующими новыми фирмами Запада. Заметим, что эти новички книжного рынка работали вне системы джентльменских соглашений, которая регулировала конкуренцию между издателями Восточного побережья (и строили свои отношения с британскими издательскими домами путем неофициальных

выплат роялти) (Clark 1960). (Clark 1960). Когда попытки ограничить конкуренцию через суды не дали желаемого результата, фирмы Восточного побережья решили, что международный закон об авторском праве мог бы обеспечить им преимущество перед менее богатыми и влиятельными западными конкурентами путем охраны и защиты издательских прав. Изменение отношения к зарубежным авторским правам произошло быстро, и движение, направленное на присоединение к международному сообществу, пошло полным ходом.

Акт Чейса 1891 г. расширял защиту иностранных авторских прав, но явно был написан для обслуживания конкурентных интересов национальных издателей. Как отмечал один ученый, этот акт имел достаточное число лазеек, «чтобы сделать расширение защиты иностранных авторских прав иллюзорным» (Ringer 1967:1057). Такая ситуация сохранялась и после того, как США официально приняли международные нормы, и оставалась постоянным источником напряжения в отношениях с европейскими издателями. К середине 1930-х гг. некоторые датские издатели, разочаровавшись в юридических средствах решения проблемы, перешли к политике возмездия:

Два знаменитых инцидента были связаны с книгами «Олененок» Марджори Киннан Роулингс и «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл. Занятно, что на судебном разбирательстве по последней книге в Нидерландах датские издатели, по словам председателя суда, «заявили, что они согласились бы оплатить права на перевод книги, если произведения, охраняемые в Нидерландах, не издавались в США раз за разом без какой-либо компенсации. Единственный способ заставить США выполнять требования Бернской Конвенции состоит в том, чтобы игнорировать авторские права граждан США в странах, поддерживающих Конвенцию». (Kampelman 1947:421).

В конечном счете, решающим фактором, который переменял политику США в области охраны международных авторских прав, стал рост американского экспорта интеллектуальной собственности (ИС). К 1930-м гг. Соединенные Штаты экспортировали множество разнообразных товаров и услуг. Расцвет Голливуда, в частности, консолидировал эту роль в культурной сфере, но это была малая доля от всей, намного большей, ориентированной на ИС и услуги, американской экономики. В результате, этот поворот породил программу международной политики. К 1980-м годам «американские экспортеры, в значительной степени ориентированные на интеллектуальную собственность, – такие как компьютерная индустрия, фармацевтика и индустрия развлечений, выказывали растущее недовольство, как легальной конкуренцией, так и растущим пиратством, в то время как Белый Дом был занят поиском политически безболезненных мер, которые помогли бы справиться с растущим торговым дефицитом» (Alford 1992:99).

Всеобщий режим защиты ИС, который поддерживал бы мировую торговлю активами и услугами, стал более привлекательным в этом контексте. При этом обнаружилась слабость международных соглашений, основанных на добровольной приверженности. Многие страны оставались в стороне от международных конвенций в области авторского права. Другие присоединялись, но не могли выполнить свои обязательства в этой сфере. Развивающиеся страны проводили собственную политику «дешевых книг», так что конфронтация с западными правообладателями в 1960-х и 1970-х гг. была обычным делом.

Параллели были очевидны. После крушения колониальных империй, развивающиеся страны столкнулись с теми же вызовами, что и США сто лет назад. Они почти

все были импортерами ИС и видели свой путь к развитию через массовое образование и грамотность. А что было делать развивающимся странам в такой ситуации? К 1980-м новые торговые соглашения, продвинутые Соединенными Штатами и другими развитыми странами, предложили ответ: более высокие стандарты защиты и принудительного применения права.

По мере становления свободных глобальных рынков, стало важным сформулировать, как и почему бедные страны выиграют от усиления защиты ИС, в то время как США и многие другие страны прошли совершенно другой путь. Одна простая стратегия заключалась в том, что предлагала выдать слабую положительную корреляцию между защитой ИС (или, наоборот, уровнем пиратства) и индикаторами социально-экономического развития, фактически, за причинно-следственную связь² – усиление защиты ИС поощряет развитие.

Корреляция, конечно, не есть причинно-следственная связь, и многие комментаторы отмечали, что «причинная обусловленность могла бы быть совсем другой, например, следующей: богатые страны в большей степени способны и склонны защищать интеллектуальную собственность, так как они имеют гораздо большую долю экономики, которая требует защиты ИС» (Thallam 2008).

Мы наблюдаем всю большую очевидность последней точки зрения. Неправомерные заявления о том, что защита ИС необходима для прямых иностранных инвестиций (FDI) раздаются все реже, не только потому что они противоречат темпам быстрого роста FDI во многих странах с высоким уровнем пиратства, которые строят свою промышленность. Особенно яркий пример – Китай, который поднялся на высокую ступень промышленного развития через массовое копирование зарубежных товаров и технологий³.

Заявление о том, что защита ИС необходима для роста местных индустрий, не выдерживает критики в таких отраслях, как кинематограф, музыка, программное обеспечение, где транснациональные фирмы и фирмы США абсолютно доминируют на местных рынках.

Как мы аргументировали по всему тексту данного отчета, наше исследование выдвигает предположение о том, что главным различием (дифференциатором) между широко обслуживаемыми, медиа рынками с относительно умеренными ценами (например, в Индии или США) и слабыми медиа рынками с высокими ценами, подобными тем, что существуют в большинстве развивающихся стран, является не доход, а конкуренция, и что эта конкуренция, по всей видимости, является максимальной там, где национальные фирмы контролируют значительные доли производства и распространения. Местные фирмы, вообще говоря, в гораздо большей степени склонны к агрессивной конкуренции за местную аудиторию, а также к новым решениям в области цен и сервисов.

² В этом контексте, имеет значение широкий набор социально-экономических индикаторов, представленных ВВП (GDP) (Varian 2004), институциональным развитием (Thallam 2008), прямыми иностранными инвестициями (Mansfield 1994) и восприятие деловыми лидерами «национальной конкурентоспособности» (World Economic Forum 2010). Типичные примеры причинных споров (the causal argument) приведены в the International Chamber of Commerce's 2005 white paper "Intellectual Property: Source of Innovation, Creativity, Growth, and Progress."

³ Когда ОСЭР исследовала литературу по данному вопросу в 2008 году, она пришла к заключению, что «другие факторы перевешивают отрицательный эффект подделок и пиратства на прямые иностранные инвестиции». См. также Chang (2003) and, on China in particular, Yu (2007).

Транснациональные корпорации, работающие на рынках с низкими ценами, наоборот, прежде всего, ищут защиты своих рынков с высокими ценами и удержания своих позиций, так они переживают медленный процесс экономического роста. Создание собственных предприятий, управление и конкуренция внутри национальных медиа рынков является, на наш взгляд, ключевым вызовом для правительств развивающихся стран.

В то же время мы не видим веских оснований считать, что изменение режима защиты ИС или принудительного применения существенно повлияет на сложившуюся ситуацию. Такие изменения вряд ли способны изменить баланс сил на местных медиа рынках и, как мы уже видели, легкость, с которой захватываются ресурсы принуждения к выполнению законов, приводит к усилению неравенства. По нашему мнению, ключевой вопрос звучит одинаково в странах, как с низкими, так и с высокими доходами: как обслужить новых многочисленных потребителей, подготовленных пиратской экономикой? Роберт Бауэр так сформулировал проблему для МРРА (Американской ассоциации кино-производителей): «Наша работа должна выделить формы пиратства, которые конкурируют с легальными продажами, расценивать их как средства замещения неудовлетворенного потребительского спроса, и затем найти способ удовлетворить этот спрос».⁴

Неудивительно, что экономические аргументы за усиление порядка принудительного применения склонны игнорировать существующие в действительности режимы охраны прав ИС. История книгоиздания и книжного пиратства, с другой стороны, сообщает нам весьма любопытные сведения, в частности, что распространение и ужесточение прав ИС влияет на развитие государства меньше, чем расклад сил на культурных рынках. В периоды, когда главные политические, экономические, культурные или технологические преобразования не бросали вызовов статус-кво, законы об авторском праве соответствовали соглашениям между ведущими производителями и служили укреплению и совершенствованию преобладающего закона.

Но, несмотря на то, что некоторые из этих соглашений были долговечными, они были хрупки и легко разрушались внешней конкуренцией со стороны лиц другой юрисдикции, технологическими изменениями и, прежде всего, сочетанием этих факторов. В таких случаях властям, в конце концов, приходилось ассимилировать пиратов с их маркетинговыми стратегиями, их новыми подходами к производству и распространению, их читательской аудиторией и, прежде всего, с их более низкими ценами. Сейчас, спустя почти триста лет после «Статута королевы Анны», мы стоим на пороге такой необходимости.

⁴ Интервью с Робертом Бауэром, директором отдела стратегического планирования Ассоциации кино-производителей, 2009.

О заключительном аккорде

Это глава составлена из отрывков книги *Законов можно не знать: Роль пиратов в культурной экосистеме от печатного станка до файлообменных сетей*, которая была опубликована в начале 2011 г. в Венгрии. Это исследование переосмысливает историю авторского права в ракурсе пиратства в области авторских прав с тем, чтобы понять функции, которые они выполняли в производстве и распространении знаний.

Литература

- Alford, W. P. 1992. "Intellectual Property, Trade and Taiwan: A Gatt-Fly's View." *Columbia Business Law Review* 97.
- Astbury, R. 1978. "The Renewal of the Licensing Act in 1693 and its Lapse in 1695." *Library s5-XXXIII* (4): 296–322.
- Ben-Atar, Doron S. 2004. *Trade Secrets*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Bender, T., and Sampliner, D. 1996/97. "Poets, Pirates and the Creation of American Literature." *New York University Journal of International Law and Politics* 29.
- Beniger, J. R. 1986. *The Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bettig, R. V. 1996. *Copyrighting Culture: The Political Economy of Intellectual Property*. Boulder, CO: Westview Press.
- Birn, R. 1970. "The Profits of Ideas: Privileges en Librairie in Eighteenth-Century France." *Eighteenth-Century Studies* 4 (2): 131–68.
- Chang, Ha-Joon. 2003. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London: Anthem Press.
- Clark, A. J. 1960. *The Movement for International Copyright in Nineteenth Century America*. Washington, DC: Catholic University of America Press.
- Darnton, R. 1982. *The Literary Underground of the Old Regime*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- _____. 2003. "The Science of Piracy: A Crucial Ingredient in Eighteenth-Century Publishing." *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century* 12:3–29.
- Feather, J. 1987. "The Publishers and the Pirates. British Copyright Law in Theory and Practice, 1710–1775." *Publishing History* 22.
- International Chamber of Commerce. 2005. "Intellectual Property: Source of Innovation, Creativity, Growth and Progress." White paper, ICC, Paris.
- Johns, Adrian. 2004. "Irish Piracy and the English Market." Paper presented at the History of Books and Intellectual History conference, Princeton University, Princeton, NJ, December 3–5.
- _____. 2010. *Piracy: The Intellectual Property Wars from Gutenberg to Gates*. Chicago, IL: University Of Chicago Press.
- Judge, C. B. 1934. *Elizabethan Book-Pirates*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kampelman, M. M. 1947. "The United States and International Copyright." *American Journal of International Law* 41 (2): 406–29.
- Khan, B. Z., and Sokoloff, K. L. 2001. "The Early Development of Intellectual Property Institutions in the United States." *Journal of Economic Perspectives* 15 (3): 233–46.

- Mansfield, Edwin. 1994. *Intellectual Property Protection, Foreign Direct Investment, and Technology Transfer*. Washington, DC: World Bank.
- Organisation for Economic Co-operation and Development. 2008. *The Economic Impact of Counterfeiting and Piracy*. Paris: OECD.
- Patterson, L. R. 1968. *Copyright in Historical Perspective*. Nashville, TN: Vanderbilt University Press.
- Ringer, B. A. 1967. "The Role of the United States in International Copyright—Past, Present and Future." *Georgetown Law Journal* 56.
- Solberg, Thorvald. 1886. "International Copyright in Congress." *Library Journal* 11.
- Solly, E. 1885. "Henry Hills, the Pirate Printer." *Antiquary*, xi, 151–54.
- St. Clair, W. 2004. *The Reading Nation in the Romantic Period*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Thallam, Satya. 2008. *The 2008 International Property Rights Index*. Washington, DC: Property Rights Alliance.
- Varian, H. 2004. *Copying and Copyright*. Berkeley: University of California Press.
- Wittmann, R. 2004. "Viennese and South German Pirates and the German Market." Paper presented at the History of Books and Intellectual History conference, Princeton University, Princeton, NJ, December 3–5.
- World Economic Forum. 2010. *The Global Competitiveness Report 2009–2010*.
<http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Global%20Competitiveness%20Report/index.htm>.
- Yu, Peter. 2007. "Intellectual Property, Economic Development, and the China Puzzle." In *Intellectual Property, Trade and Development: Strategies to Optimize Economic Development in a TRIPS Plus Era*, edited by Daniel Gervais. Oxford, UK: Oxford University Press.